

ловский театр не бросил драматурга в трудную для него минуту, серьезно поработал с автором и добился успеха. Рамки пьесы раздвинулись. В ней возникли новые ситуации, появились новые герои, настоящие советские люди.

Раскололась семья Теряевых, в одиночестве остались мать и сын — плохая художница халтурщица Надежда Марковна и карьерист Сергей. Виталий Теряев, казавшийся в первом варианте безнадежным ничтожеством, в спектакле чкаловцев выглядит человеком трудной судьбы, не сразу пашедшим себя, свое призвание. Исполнитель этой роли В. Бросевич очень тонко показывает путь незадачливого актера, нашедшего в себе мужество начать жизнь заново. Пьеса обрела большую психологическую глубину и ясность замысла. Ошибка Али Березко не сбила ее с пути — она научила ее глубже и зорче всматриваться в жизнь, помогала разобраться в людях, оценить настоящую дружбу, почувствовать силу коллектива. Такова мысль пьесы. И эта мысль донесена в спектакле, вдумчиво поставленном Ю. Иоффе.

Актеры в нем не «психологизируют», не ищут многозначительности там, где ее нет. «Второй план», все, что спрятано в тайниках, звучит в нем отчетливо и точно. Знание материала, близость его исполнителям подсказали здесь точный отбор сценических красок. Спектакль можно было бы назвать с равным правом и «бытовым» и «психологическим». Казалось бы, образ «ответственной супруги» Травкиной — образ сугубо бытовой. Жанровые его черты великолепно почувствованы О. Соколовой, нашедшей для характеристики Травкиной тончайшие юмористические детали. Но достаточно понаблюдать за Травкиной, когда ее по телефону «воспитывает» муж, чтобы понять внутренний, отнюдь не простой, не примитивный мир этой женщины. Актриса только слушает, только все крепче сжимает рукой телефонную трубку, но в новых, все меняющихся оттенках голоса, в точно найденных интонациях, во внешнем пластическом рисунке мизансцены — целый мир чувств, глубоких и сильных.

Молодой актер А. Федоринов не сразу обнажает лицо приспособленца Сергея Теряева. Правда о нем узнается постепенно. Сперва Сергей обманывает красивыми словами доверчивую, чистую Аню. Потом он оступается, проговаривается, снова мимикрирует и, наконец, становится ясен. Актерами верно и точно прослежены события пьесы — в отношениях людей вычерчивается жанр спектакля, его подлинная психологическая углубленность, свободная от ложного «психологизма» и сентиментальности.

Снова жанровая форма спектакля вылилась из существа пьесы, из увиденных драматургом в определенном свете явлений действительности. И снова подтверждается, что борьба за жанрово определенный, яркий, выразительный спектакль — это всегда борьба за реализм, идейность, правду.